

Чжо Лань увидел ту самую картину, что предстала перед взором Сына Бога.

Вернее сказать, он узрел себя самого — из бесконечно далекого прошлого.

Того себя, которому ещё только предстояло стать вампиром Кровного клана. Мальчишку, не знавшего, что принесёт завтрашний день, и выживет ли он вообще.

В те годы Чжо Лань рос хилым и заморышем. На вид ему нельзя было дать больше семи-восьми лет, хотя на деле, пожалуй, минуло уже все одиннадцать или двенадцать. Впрочем, точный возраст назвать было невозможно: тогда он и сам не знал, сколько ему лет, а теперь и подавно концов не сыщешь.

Малыш Чжо Лань застыл посреди пепелища и кровавой бойни. На его лице читалось лишь глухое, беспомощное оцепенение.

Вокруг, под самыми ногами, расплывалось сплошное багровое месиво. Этот ядовито-красный цвет выжженным клеймом отпечатался во взгляде ребёнка. Густой, удушливый запах крови проникал в лёгкие с каждым вздохом, впивался в сознание, будто живой, прожорливый бес, терзающий разум. Душа покинула его тело, оставив лишь безжизненную восковую куклу посреди кошмара.

Он не плакал и не кричал — просто забыл, откуда явился и куда держит путь.

Ступни увязли в липкой жиже, но следов за собой мальчик не оставлял. Вокруг простиралось сплошное алое море; любые вехи прежней жизни бесследно утонули в этом жутком половодье.

Одиноким ребёнок стоял посреди слепящего багрянца, точно изваяние, обречённое стоять здесь до скончания времён.

Сгущались сумерки — час, когда на волю выползает нечисть. Закат окрасил небосвод в огненные тона. Небо пылало, словно гигантское зеркало, отражавшее залитую кровью землю. Мальчик не знал, сколько простоял без движения. Колени его мелко дрожали, грозя вот-вот подогнуться, а в вышине уже раздавались зловещие крики стервятников.

В воздухе поплыл тяжёлый запах гари.

Пламя, вспыхнувшее неведь где, лениво слизывает кроны деревьев и обугленные остовы лачуг. Кровавая солома вспыхивала мгновенно, исчезая в прожорливом зеве огня. От тошнотворного запаха горелой плоти, заполнившего всё вокруг, выворачивало наизнанку.

Но Чжо Лань не шевелился.

Он не пытался бежать или бороться. Остекленевший взгляд застыл, уставившись в пустоту. Мальчик почти не моргал; в его помутившихся голубых глазах полопались сосуды, затянув их кровавой сеткой.

Огонь обступал его плотным кольцом, жадные языки пламени уже тянулись к ногам.

Он безмолвствовал, оцепенев, готовый сгореть дотла, точно сухой стебелёк травы в степном пожаре.

Ещё несколько минут — и он, как и всё в этой Богом забытой деревне, обратится в пепел и смешается с пропитанной кровью землёй.

Но тут перед ним возникла высокая фигура.

В застывших глазах мальчика, отражавших бушующее пламя, проступил силуэт златокудрого мужчины.

По-настоящему маленький Чжо Лань пришёл в себя лишь спустя двое суток глубокого, беспробудного сна.

Тогда он не понимал, как заснул, да и не пытался думать об этом. Лишь много позже Чжо Лань осознал: его погрузили в сон чужой волей, навязав «приказ» с помощью магии. А снилось ли ему что-то в этом забытьи, стёрлось из памяти навсегда.

Первое, что он увидел, открыв глаза, — силуэт сидящего вполборота мужчины.

Даже тысячи лет спустя Чжо Лань не мог подобрать слов, чтобы описать то первое впечатление. У незнакомца были длинные золотые волосы, широкие плечи, бледная кожа и на редкость... безупречное лицо.

Простая одежда мужчины не имела значения. Мальчику показалось, что перед ним — сошедшее на землю божество.

Тот самый всемогущий творец, о встрече с которым после смерти твердили легенды.

Чжо Лань невольно приоткрыл рот. Собственный голос показался ему чужим — хриплым, надтреснутым шёпотом:

— Ты... бог?

Златокудрый незнакомец обернулся, и Чжо Лань ахнул про себя: глаза мужчины сияли чистым золотом, напоминая полуденное солнце.

— Вовсе нет, — отозвался тот. Взгляд его лучился мягким теплом, а голос журчал ласково, точно горный ручей. — Меня зовут Алекс.

— Алекс... — тихо повторил Чжо Лань.

— А как зовут тебя? — поинтересовался Алекс.

Мальчик растерянно захлопал ресницами:

— Меня?.. Не помню.

— Сосем не помнишь? — Алекс слегка нахмурился, вглядываясь в лицо ребёнка. — А что с тобой произошло, помнишь?

Чжо Лань вяло покачал головой:

— Я... что со мной случилось?

— Ты помнишь, откуда ты родом?

— Откуда я... — прошептал мальчик.

Видя, что ребёнок лишь растерянно повторяет его вопросы, Алекс понял: тот действительно лишился памяти.

Мужчина мягко прикоснулся к его лбу. На кончиках пальцев затеплилось нежное, едва заметное свечение, которое медленно впиталось в кожу малыша.

В голове Чжо Ланя мгновенно прояснилось, а навалившаяся на тело тяжесть отступила. Взгляд наполнился осмысленным блеском. Он уставился на Алекса, в котором теперь видел своего спасителя.

— Ну как? — мягко спросил Алекс.

— Что? — не понял мальчик.

— Как ты себя чувствуешь? Вспомнил хоть что-нибудь?

— Нет, — покачал головой Чжо Лань, но тут же добавил: — Зато я точно знаю, что после смерти люди встречаются с богами!

— И откуда у тебя такие мысли?

— Откуда... откуда же... — Чжо Лань снова замялся. — Я... не могу вспомнить.

— Ничего страшного. Не мучай себя.

Алекс вздохнул и, словно вспомнив о чём-то, осторожно взял мальчика за тонкое запястье:

— На твоём браслете вырезано слово «Делагос». Скорее всего, так тебя зовут.

Чжо Лань опустил взгляд. На запястье болтался простенький шнурок с нанизанным на него странным камешком, на котором действительно виднелась полустёртая надпись:

— Делагос?..

— Звучит знакомо?

— Нет... Я даже прочесть это не смог бы, если бы ты не подсказал, — Чжо Лань виновато опустил голову. — Прости...

— Не нужно извиняться, глупыш, твоей вины тут нет, — ласково успокоил его Алекс. Он прекрасно понимал, почему ребёнок ничего не помнит.

Алекс уже успел бегло осмотреть разорённую деревню. Истинные причины трагедии оставались загадкой, но этот заморыш точно не имел к ним отношения. Обычный человеческий ребёнок, слабый и беззащитный, физически не мог устроить подобное побоище.

Каким-то чудом посреди резни, унёсшей жизни всех жителей, мальчик уцелел. На его теле не нашлось ни единой раны, лишь пара пустяковых ссадин. Возможно, родители перед смертью успели надёжно спрятать сына, выторговав для него шанс на спасение ценой собственных жизней.

Пережить такой кошмар в столь нежном возрасте — неудивительно, что разум бедняги просто заблокировал страшные воспоминания.

Пожалуй, забвение было для него благословением. Раз уж он ничего не помнил, Алекс не собирался беречь раны расспросами или живописать подробности пережитой бойни.

Но дать ему имя всё же стоило.

— Раз так, пока будешь Делагосом. Захочешь сменить имя, когда подрастёшь, — воля твоя, — Алекс ласково погладил его по руке. — А ласково я буду звать тебя Чжо Ланем. Договорились?

Чжо Лань заворожённо кивнул, не в силах противиться этой обезоруживающей нежности:

— Договорились...

— Ну а теперь пора бы и подкрепиться, — улыбнулся Алекс. — Ты слишком долго голодал, так что тяжёлую пищу тебе сейчас нельзя. Я наловил рыбы и сварил её с крупой. Будешь?

Он указал на догоравший костёр неподалёку. Над углями висел помятый котелок, откуда валил густой пар, разносивший аппетитный аромат похлёбки.

Мальчик ответил без секундного колебания:

— Да.

На самом деле он ещё толком не оправился от слабости и не испытывал голода. Но если этот человек просил его что-то сделать, он подчинялся беспрекословно.

Алекс достал глиняную миску, налил туда густого дымящегося варева, напоминавшего то ли суп, то ли кашу, и, вложив в неё ложку, протянул мальчику.

Чжо Лань робко протянул ладошки. Алекс уже занёс над ними миску, но вовремя остановился:

— Погоди. Сходи принеси несколько широких листьев, подложишь под дно, а то обжечься можно.

Мальчик тут же бросился выполнять поручение.

Он вскочил слишком резко. Ослабевшие ноги подкосились, и малыш едва не полетел на землю. Алекс, державший горячую миску обеими руками, не успел его подхватить. Однако Чжо Лань упрямо выровнялся сам и, пошатываясь, побежал к ближайшим кустам.

Спустя пару минут он вернулся, бережно прижимая к груди охапку сочных зелёных листьев. Видя, как суетливо метался мальчик, Алекс обеспокоенно спросил:

— Руки не ободрал?

— Нет! — Чжо Лань бросил листья на землю и доверчиво протянул ладони. Кожа была испачкана зелёным соком и слегка покраснела, но обошлось без новых царапин.

Наконец Алекс аккуратно опустил миску на сооружённую из листьев подкладку.

Чжо Лань нетерпеливо зачерпнул первую ложку.

— Ой! — похлёбка оказалась обжигающе горячей. Чжо Лань смешно высунул язык, остужая рот. Алекс, заметив, что к ребёнку возвращаются силы, негромко рассмеялся:

— Осторожнее, не торопись.

— Угу! — кивнул мальчик, но тут же жадно отправил в рот вторую ложку.

Наблюдая за тем, с каким аппетитом тот уминает еду, Алекс поинтересовался:

— Вкусно?

Сам он похлёбку ещё не пробовал — просто набросал в котелок всё, что нашлось под рукой, ориентируясь на приятный запах. Раз уж найдёныш наконец очнулся, важнее было накормить его без промедления.

— Очень вкусно! — Чжо Лань широко улыбнулся и в подтверждение своих слов заглотил ещё две ложки подряд.

И снова обжёгся.

— Раз вкусно, ешь не спеша, никто не отнимет, — улыбнулся Алекс. — Желудок у тебя отвык от еды, так что не налегай слишком сильно.

— Хорошо... — Чжо Лань умерил пыл, хотя ложкой орудовать не перестал. Теперь он брал понемногу, напоминая осторожного зверька.

Алекс облегчённо вздохнул.

Котелок и миску он откопал на руинах уцелевших изб. Хоть на них и не было следов крови, Алекс всё равно тщательно вымыл посуду перед готовкой. Он опасался, что у мальчика эти вещи вызовут панику, но Чжо Лань, увлечённый едой, ни на что не обращал внимания.

Поняв, что всё в порядке, Алекс наконец налил порцию и себе.

Рыбы он класть не стал — зачерпнул лишь немного разварившейся крупы с бульоном. Обходясь без ложки, он осторожно подул на миску и сделал первый глоток.

И тут же поморщился.

... Похлёбка невыносимо несла тиной.

Рыбу он, конечно, выпотрошил, но речной улов сам по себе отдавал болотом. А без специй и соли варёная рыба превратилась в безвкусное, пахнущее тиной месиво.

От одного глотка бульона Алекса передёрнуло. Каково же было Чжо Ланю, который с таким аппетитом уплетал саму рыбу?

— Послушай... — Алекс хотел было отобрать у него миску, но вовремя осёкся. Мальчик явно умирал от голода, а заменить это варево было решительно нечем. Мужчина лишь тихо вздохнул.

Чжо Лань испуганно вскинул голову и отставил миску:

— Что-то не так?

— Всё хорошо, — Алекс ласково взъерошил его волосы. — Тебе действительно нравится?

— Очень вкусно! Правда! — Чжо Лань сиял. На самом деле им двигало слепое обожание: раз этот чудесный человек приготовил еду, она просто обязана быть пищей богов. Неприятного привкуса тины он попросту не замечал.

Алексу же оставалось лишь думать, что ребёнок оголодал до такой степени, что потерял всякую чувствительность к вкусу.

Снова тихо вздохнув, он бережно погладил мальчика по спутанным волосам:

— Ну... ешь тогда. Приятного аппетита.

<http://bllate.org/book/19532/1997226>